

СУББОТНЯЯ ВСТРЕЧА

“С ней тяжело разговари-
вать”, — предупредили
меня в Союзе кинема-
тографистов Латвии.
“С Вией, по телефо-
ну? — не скрыл
удивления ре-
жиссер знаме-
нитого “Театра”
Ян Стрейч. —
Она не станет
говорить. По-
нимаєте, воз-
раст. — И через
паузу добавил:
— Вообще-то
попробуйте,
желаю удачи”.
У Вии Артмане,
легенды латвий-
ского театра и ки-
но, как и у сыгранной
ею героини Мозма, от-
нюдь не простой харак-
тер. А судьба — и того хле-
ще. Как и Джулия Ламберт, лишь
на сцене она могла почувствовать
себя абсолютно счастливой. Толь-
ко там она переживала настоящую
бурю страстей. Была богата, удач-
лива, любима. Все не как в реаль-
ной жизни.
“Все потратила там, на сцене. А
для себя ничего и не осталось”, —
говорит она теперь. Знаменитая
латвийская актриса, отмечающая
сегодня 75-летие, давно уже похо-
ронила своего единственного му-
жа, некогда популярного актера
Артура Димитерса, лишилась
квартиры — последние годы она
живет в сорока километрах от Ри-
ги, театра. Не так давно перенесла
два инсульта и инфаркт... Но са-
мое главное: “Я никогда не знала
настоящей любви”. Совсем как ее
Джулия. Или нет.

— Госпожа Артмане, наверное, нервничаєте перед 75-летием? Все-таки юби-
лей, круглая дата. Взяв республика небось шумит.

— Да... честно говоря, не слишком шумит.
— Почему? Если не ошибаюсь, не так давно вас признали лучшей актрисой за всю историю латвийского кино. Ведь верно?

— Ну называли... Но у нас так много хоро-
ших актрис. Мне даже как-то неудобно перед
ними. Наверное, люди меня запомнили. Но
только потому, что я всегда страшно много ра-
ботала. Я не такая хорошая — просто очень тру-
доголюбивая.

— Это, считаете, ваше главное досто-
инство?

— Нет-нет, не самое...

— А какое же?

— Меня очень легко растрогать. Я много
нервов трачу по пустякам. Часто плачу. Потому
что все потратила, а для себя ничего не оста-
лось.

— Что вас может довести до слез?

— Признание.

— Какое признание?

— Признание роли. Знаете, такие роли, как
у Достоевского — Настасья Филипповна, или у
Горького в “Варварах” — Надежда Монахова.
Каждая из этих женщин окутана некой тайной. И
когда мне удается разгадать их тайну, а публи-
ка это признает — вот тогда я могу расслаблять-
ся. Но до слез меня может довести и простая
человеческая нежность, открытость. Та, кото-
рая свойственна как раз русским. Я Россию
очень хорошо знаю, довольно часто там бывала.
И встречалась больше с простыми людьми —
меньше с официозом. Лучшими подругами у
меня всегда были ткачихи, поварахи, колхозни-
цы... Вот такие люди меня очень трогают. Сво-
ей нежностью, рассказами о своих горестях, ра-
достях. Россия меня саму сделала намного
нежнее, чем я была.

— В Латвии, считаете, люди жестче,
практичнее?

— У латышей другой характер, не такой от-
крытый. Просто они привыкли к другой манере,
всегда как бы прячутся. Но когда наступает мо-
мент, пускай редкий, и латыши раскрываются,
они становятся очень трогательными людьми.

— Это вы и про себя тоже?

— Меня Россия испортила... (Смеется.) В
хорошем смысле. Я стала какой-то... как это по-
русски будет... я стала какой-то очень доступ-
ной. Первую половину жизни была очень замк-
нутая, всегда сосредоточенная. Как все актеры,
берегла себя для образа, для спектакля. Не рас-
плескивалась. А многим казалось, что я какая-
то слишком серьезная, даже злая. На самом де-
ле я молчала потому, что приценивалась к лю-
дям. Я очень люблю изучать людей. Ради людей
я работала, и людей я изобретала. Это мое ре-
месло... Но Россия меня изменила. И я благо-
дарна ей. Хм... Было бы очень скучно оставать-
ся прежней.

— Вы довольны тем, как сложилась ва-
ша актерская судьба?

— Грех было бы жаловаться.

— Неужели о большем и не помышля-
ли?

— Что бы я ни сделала, всегда можно боль-
ше. Больше и лучше. Нет... Пусть идет другая —
я желаю ей счастья. Желаю ей превзойти меня.

Вия АРТМАНЕ:

“Я говорила своему мужу:
тебе нужно было
жениться на буфетчице,
а не на актрисе”

СНЕЖНАЯ КОРОЛЕВА

— Почему же вы так о себе, в
прошедшем-то времени? Сы-
грали всех, кого хотели?

— Нет, какие-то роли оста-
лись: задуманные, несыгранные.
Не успела по возрасту. Анну Каре-
нину, например. Которую я очень
хорошо чувствовала. И до сих пор
чувствую. Нет, я не пугаю людей
тем, что собираюсь ее сыграть...
Знаете, я никогда не говорю про
роль: “несыгранная”, говорю: “неис-
пользованная”. Вы не получили от ме-
ня то, что я хотела бы вам раскрыть. То
есть потеряли вы, а не я.

— А сейчас кого бы хотели сыг-
рать?

— Ну какую-то женщину моего возраста.
Простую. Интересную. Со своими радостями,
проблемами. Каких миллион. Но все зависит от
автора. Если найдется сценарий, который меня
по-настоящему заинтересует, буду играть и в
90 лет. Как-нибудь выкарабкаюсь из дома, до-
берусь до съемочной площадки и сыграю. Пока
своими глазами буду видеть, с какой стороны
на меня смотрит камера.

— Судя по тому, что не снимаетесь вы
уже давно, все, что предлагают, — неинте-
ресно?

— А мне ничего и не предлагают. Я сейчас,
как бы это сказать, делаю паузу...

— Насколько она может затянуться?

— Ну она может продлиться года два. Мо-
жет быть, два с половиной. (Смеется.) Как у
Джулии Ламберт.

■ ■ ■

— А в вас многое от Джулии? Вы на нее
похожи?

— Нет... В каком-то плане — да. Но, вы зна-
ете, я бы сказала: она интереснее меня. Она жи-
ла как в сказке, моя жизнь намного суровее. По-
этому у меня нет такой легкости, как у Джулии.
Я тяжелее.

— Вы хотели бы пожить ее жизнью?

— Нет. (Это “нет” было куда тверже преды-
дущего.) Это неинтересно. Я считаю, что Джу-
лия не была великой актрисой. Признанной —
да, но не великой. Но свою признанность она
использовала на все сто.

— Джулия Ламберт была несчастлива в
личной жизни. Вы как-то тоже обмолви-
лись, что никогда не знали любви.

— Ну вообще... Вы знаете, это я вам долж-
на целый трактат произнести. Я очень много и
сильно любила на экране и на сцене. А, вы зна-
ете, этот процесс требует большой сосредото-
ченности. И, самое главное, искренности. Надо
было хранить любовь в себе, чтобы использо-
вать ее для создания образа. Честно говоря, я
считаю, что виновата — в жизни не позволила
себе до конца показать свою нежность. Это так.

— Виноваты перед своим мужем Арту-
ром?

— Не-е... Я не виновата, и он не виноват.
Артур тоже был занят другими делами. Краси-
вого семейного счастья у нас не получилось. Та-
кого, знаете, с бантиком. Мы были более воль-
ны... нежели пасторы.

— Слышал, ваш муж был очень жесто-
ким человеком. Таким тираном, деспотом...

— Нет, Артур не был жестоким. Наоборот
— нежным. Но он был очень опытным, на 14 лет

старше — мно-
гое уже истратил
до встречи со мной. Он
пробовал приспособиться ко мне, и это не все-
гда получалось. Но он не был ни грубым, ни по-
шлым — ничего такого. Иначе я не выдержала
бы с ним сорок с лишним лет. Нет, это было ве-
ликое счастье — быть с ним вместе. Артур был
очень сильный актер и человек.

— Насколько я знаю, Артур был жутким
ревнивцем?

— Ревнивый? Да-а!

— Имел на то причины?

— Нет, никаких поводов я не давала. Но
ревнивец же ревнует без всякого повода. Он
смотрел мои роли, видел, как мои партнеры от-
носятся ко мне, как долго вспоминают, какое
оказывают внимание... Думаю, это его задева-
ло. Но в конце концов смирился. Понял, что та-
кова уж его доля. Я ему так и говорила: “Чтобы
получить все сполна, надо было жениться на бу-
фетчице, а не на актрисе”.

— Джулию Ламберт окружали молодые
фавориты. Что-то подобное могло быть у
вас?

— Об этом никогда не думала. (После пау-
зы.) Мне хватило того, что было. Нет, это не мои
проблемы. Могу сказать только одно: свою суп-
ружескую постель ни с кем, кроме мужа, я не
делила.

— Сколько уже нет Артура?

— 18 лет.

— Успели смириться с потерей?

— Я бы не сказала, что это было так легко...
Сначала не почувствовала тяжести удара. Но со
временем ощутила вокруг себя пустоту. Я по-
старалась быть сильной, постаралась оторвать-
ся, что ли, от этой грусти. Стала еще более са-
мостоятельной, чем прежде. Вот только... у ме-
ня очень хорошая память. Все время вспоми-
наю Артура, да и у нас в семье его никто не за-
бывает. Но так уж было суждено — он сам себя
не жалел, не щадил. Мог бы жить еще долго, но
сам себе повредил... Что говорить: каждый че-
ловек живет, как хочет.

— Что вы имеете в виду, когда говори-
те: “сам себе повредил”?

— Ну вы хотите, чтобы я вам открыла... Из-
вините, я не хочу называть что. Это довольно
грубо, что вы требуете от меня. Это не ваше де-
ло.

— Госпожа Артмане, ни в коем случае
не хотел вас обидеть...

— Да-да-да. Ну я вам говорю: повредил. Он
жил и веселился так, как ему не надо было. Не
щадил ни своего здоровья, ни своего сердца,
ни своего театра, ни своего таланта. Ни днем,
ни ночью.

■ ■ ■

— Вы довольны тем, как сложилась
судьба ваших детей?

— Ну-у... Да. Да-да, да-да. Это нужно спра-
шивать у них — довольны ли они. Я довольна.

— Дочка по-прежнему с вами живет?

— Да.

— Старший сын чем сейчас занимает-
ся? В свое время он был очень известным в
Латвии бардом...

— Почему был, он и сейчас известный...

Поначалу добродушная и многословная,
Вия начала отвечать очень коротко и сухо. Что-
бы вновь не навлечь на себя гнев актрисы, я не
стал расспрашивать ее о судьбе сына. Извест-
но, что Каспар — незаживающая боль Артмане.
В свое время его чуть не сгубило болезненное
пристрастие к алкоголю. По некоторым данным,
сын актрисы — в прошлом популярный в Латвии
поэт и музыкант — теперь восстанавливает раз-
рушенные церкви. Работает как художник, ка-
менщик, плотник... Еще одна боль актрисы —
жилищная проблема. Когда-то Вия Артмане жи-
ла в просторной квартире в самом центре ста-
рой Риги. Но в 1993 году в Латвии приняли за-
кон о реституции, согласно которому вся недви-
жимость, построенная еще до советской вла-
сти, возвращалась ее законным владельцам.
Новый-старый хозяин дома, где проживала Ар-
тмане, заломил такую плату за жилье, что семья
актрисы поспешила съехать на свою загород-
ную дачу. Где сейчас и живет.

— Я живу в своей стране, и мне не обидно,
— говорит гордая Вия. — Я от нее могу стерпеть
все. Если они считают, что так надо, я проживу
и так. Как семье. Напишите, что Артмане пере-
ехала за город, потому что там свежий воздух...

Оно и понятно, со звездой “Театра” нужно
говорить только о театре.

— Вы собираетесь устроить бенефис по
случаю юбилея?

— Какой бенефис — я уже два года не иг-
раю в театре.

— В Союзе кинематографистов Латвии
мне сказали, что какое-то мероприятие все
же будет.

— Нет, это Ян Стрейч, режиссер фильма
“Театр”, ставит спектакль. А мы вместе с Эдуар-
дом Паулсом — моим коллегой, с которым в
юности играли “Ромео и Джульетту” (он тоже
отмечает 75-летие), будем сидеть и смотреть,
как молодежь играет те роли, которые когда-то
играли мы. Но это будет только 15 сентября.

— А когда можно ожидать вашего сле-
дующего спектакля?

— Трудно сказать. (В голосе Вии вновь не-
надолго зазвучали мягкие нотки.) Когда я найду
соответствующий материал, может, я еще сыг-
раю, а может быть, и нет. Потому что пока я не
чувствую себя хорошо... Я пережила две болез-
ни, очень тяжелые, и не хочу о них говорить и
вспоминать. Так что не спрашивайте.

— Я и не спрашиваю...

(Вия как будто не слышит — снова загово-
рила отрывисто и нервно.)

— Я ушла из театра, потому что почувство-
вала, что в таком состоянии... когда я так боль-
на... остались очень тяжелые последствия после
болезни. И преодолевая их, я чувствую себя
некомфортно. Перед зрителем должен
выходить здоровый артист...

— Только здоровья мы вам и желаем.

— Спасибо-спасибо... (Актриса перевела
дыхание.) Вы меня должны простить. Я сейчас
немножко на взводе.

— И вы извините.

Дмитрий МЕЛЬМАН.